

УДК 93/94(470.6)«18»

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII – 60-х ГОДАХ XIX ВВ.

Кузьминов Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», petrakis_hist@bk.ru

В статье анализируется слабо разработанная проблема: качество социальной политики коронного правительства в отношении народов Северного Кавказа. Отмечается, что на протяжении ста лет она существенно трансформировалась, от полной поддержки элиты горского общества, до ликвидации зависимых и рабских отношений, невзирая на серьезные протесты знати. Приведено количество освобожденных по всем регионам Северного Кавказа, в том числе Ставропольской губернии, Терскому и Кубанскому казачьим войскам.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, социальная политика, освобождение зависимых сословий.

Проблемы социального партнерства, социального равенства или социальных конфликтов и эксплуатации человека человеком всегда остро стояли в исторической науке. Их развитие или, наоборот, искоренение, формировали своеобразную систему координат, которая определяла рамки жизненного пространства для жителей социума. Уничтожение любых форм эксплуатации человека человеком, в условиях цивилизованного общества, всегда оценивалось как гуманная и благородная задача, поэтому не случайно данной проблеме посвящено множество статей, очерков, монографических исследований.

Характерно это и для народов Кавказа, где к началу XIX века сохранились не только зависимые феодальные отношения, но и разнообразные формы рабства. Их ликвидация открывала дорогу к модернизации и просвещению горских обществ.

Распространение власти российского правительства на окраины государства поставило вопрос о регулировании сословных отношений в этих регионах на основе российского права. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 14 марта 1746 г., лицам «не имеющим прав российских дворян было решительно воспрещено иметь крепостных крестьян». Несмотря на этот указ, принципы свободы и вольности, характерные для казачества, крепостничество все же существовало и на Кубани, и на Тереке «в довольно значительных размерах и при этом в виде полного рабства, хотя и не проявлялось в таких крайних, нередко ужасных формах, как это сплошь и рядом бывало в других местностях России»¹.

Указ от 6 февраля 1754 г. предоставил владение крепостными людьми только потомственным дворянам и военным, дослужившимся до обер-офицерских чинов. Права эти были подтверждены и расширены Манифестами 18 февраля 1762 г. и 21 апреля 1785 г., причем последний разрешал «помещикам совершенно лишать крестьян земли и держать их как рабочую силу, или брать себе во двор для личных услуг, или же даже отдавать другим в найм, лишь бы крепостные люди по ревизским сказкам значились приписанными к тому или другому недвижимому имению»².

Укрепление позиций России в Предкавказье, строительство Кавказской военной линии, отсекающей степные просторы от горцев, остро поставили вопрос о «союзниках» внутри горских обществ, которые бы стали «защитниками» интересов метрополии в крае. В зависимости от характера отношений российского правительства с народами Кавказа, менялись и акценты социальной политики. Сближение с феодальной элитой Кабарды, Кумыкии, Дагестана было понятно и оправдано, с точки зрения социальных приоритетов дворянского государства, и эта сторона прекрасно отражена в сборниках документов «Кабардино-русские отношения»³. Сложнее обстоит вопрос об отношении к горскому крестьянству.

Периодически правительство поддерживало различные категории крестьян. Казалось бы, «мезальянс» здесь не возможен и, тем не менее, широко известно, что зависимым горским крестьянам и рабам за обещание принять христианство, давали свободу, землю, денежную помощь⁴. То есть страх горской элиты перед угрозой лишения рабочей силы, был той силой, без которой, как откровенно говорили князья, «мы пропадем»⁵ и делал знать «мягче» по многим проблемам взаимоотношения с российскими властями.

Ведущей формой бегства крестьян в 50–60-е годы XVIII в. были индивидуальные, которые постепенно сменяются групповыми и коллективными. Среди беглецов, по мнению Х.Ж. Берова, преобладали ясыри-рабы, которые составляли примерно две трети всех выходцев из Кабарды⁶. Моздок стал главным центром притяжения беглых горских крестьян из Кабарды и Осетии.

Во время русско-турецких войн (1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1806–1812 гг. и др.) правительство из-за опасения перехода владельцев на сторону Турции отказывалось от открытой поддержки беглых крестьян, но выгоды социального «крючка» оно осознало. **В общую присягу, взятую с кабардинцев в декабре 1779 г., «был внесен специальный пункт, согласно которому «черный народ» имел право отходить от владельцев и поселяться в пограничных районах, если владельцы будут притеснять его непомерным повышением повинности и требованиями переселяться в другие места вместе с ними».** Этим постановлением, пишет В.К. Гарданов, «фактически было сведено на нет, данное грамотой Екатерины II обещание кабардинским феодалам не принимать впредь убегающих от них «холопов», если даже они примут христианство»⁷.

В XIX в. правительство России стремится регулировать и контролировать отношения владельцев с их подвластными. **В 1804 г. был опубликован указ Александра I о запрещении торговли закубанскими невольниками, а в 1808 г. приказано «всех ясырей считать свободными от рабства и предоставить им род жизни по собственному желанию каждого»**⁸.

В 1810 г. представители кабардинского «черного» народа просили кавказскую администрацию, «что он, будучи чрезвычайно от владельцев и узденей своих притесняем и разоряем, желает, чтобы Российское Правительство приняло его под свое покровительство, и он согласен во всякое время оставить Кабарду и поселиться в границах наших, там, где благоугодно будет начальству назначить ему места к поселению на здешней линии»⁹. После долгого обсуждения администрация отклонила просьбу зависимых сословий, но сам факт обращения симптоматичен.

В 1821 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов издал распоряжение о том, чтобы «ногайцы не приобретали себе вновь ясырей, а ранее приобретенных не продавали бы без ведома начальства». Но в 1823 г., после «удачного военного похода в горы, было захвачено около 2 тыс. пленников, которых генерал Вельяминов предложил купить ногайцам по цене 150–200 руб. за каждого». Понятно, что этот совет фактически «отменял прежние ограничения работоторговли, и ногайцы не преминули этим воспользоваться и стали приобретать новых рабов»¹⁰.

В 1827 г. по указанию нового главнокомандующего Кавказским корпусом генерала И.Ф. Паскевича стали собирать сведения о ясырях и их взаимоотношениях с рабовладельцами. В принятом «Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» говорилось, чтобы «холопы оставались у тех именно хозяев, у которых они находились до приведения их в известность господином стацким советником Ребровым (т.е. до 1823 г. – П.К.), без перехода из рук в руки (т.е. **фактически запрещалось продавать, дарить, обменивать, закладывать своих рабов** – П.К.), допуская однако ж из всего изъятие для тех только хозяев, кои пожелали бы принадлежащих им людей отпустить на волю»¹¹.

На основании выработанных депутатами правил и заключения Паскевича, Государственным Советом 17 мая 1835 г. было принято постановление «об отношениях кавказских ясырей или холопов к их владельцам», где в 23 пунктах регламентировались отношения ясырей и владельцев¹², реализация которых должна была привести к постепенному уничтожению рабства. Этим же законом было запрещено само название «ясырь», означающее раб, невольник, как несвойственные для России, но как и ранее принятые законы, регламентирующие социальные отношения у народов Северного Кавказа, не «работал» и этот, поскольку в самой России крепостное право по-прежнему процветало.

Распространение идей тариката и мюридизма в 20–30-е годы XIX в. привело к возникновению в 1834 г. имамата Шамиля. Пытаясь расширить социальную опору среди горцев, Шамиль не только пропагандировал идеи социального равенства мусульман, но, разгромив и подчинив Казикумухское ханство и Кайтагское уцмийство, освободил рабов и отдельные категории зависимых крестьян. Информация об этом событии стала известна в горах, что, безусловно, расширило народную поддержку действий Шамиля.

Возможно, под влиянием этих идей Кавказская администрация также решила «разыграть крестьянскую карту». Было принято постановление о том, что «все зависимые крестьяне, холопы, рабы, изъявившие готовность принять православную веру, начиная с 1858 г. освобождаются от крепостной неволи»¹³. Действительно, уже через некоторое время были отмечены случаи «множественного обращения к православному духовенству принять их в христианство с целью получить свободу из холопства»¹⁴. В свою очередь, Штаб войск Левого крыла Кавказской линии получил много жалоб от владельцев, утверждавших, что «холопы не с убеждением крестятся, потому, как не имеют к тому душевных призваний, а дабы избавиться от нашей власти». Они просили администрацию «отменить прежнее свое распоряжение и приказать духовным лицам, не допускать холопов тайно, без соглашения с владельцами к православию, т.к. они теряют всякую надежду на сохранение своей собственности, ибо одни холопы получают свободу бегством к непокорным горцам (ее дарует им Шамиль), а другие принятием христианства»¹⁵. Под давлением владельцев в конце 1859 г. были обнародованы новые условия «для горцев, изъявивших желание принять российскую веру», которыми распоряжение 1858 г. по существу отменялось.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» и еще 16 законодательных актов, которые сформировали законодательное поле эмансипации крепостных крестьян и наделения их землей¹⁶. В число 17 законодательных актов вошел «Высочайший указ Правительствующему Сенату о приведении к одним общим началам всего сельского населения в государстве, кои состоят в даровании всему этому населению личной свободы и права причисляться к городским и сельским обществам»¹⁷. Этот указ Александра II незаслуженно забыт исследователями-кавказоведами, но именно он стал

первым правовым актом, с которого начался реальный процесс освобождения зависимых сословий в Предкавказье.

Исследуя крестьянскую реформу на Ставрополье, М. Баркалов выделил четыре вида крепостного состояния крестьян:

1. Обыкновенные крепостные отношения помещиков к крестьянам.
2. Ясыри – то есть холопы, рабы, невольники (у представителей кочевых и горских народов – *П.К.*) сосредоточены были в Пятигорском и Кизлярском уездах.
3. В Туркменской, Ногайской и Карачаевской (так у автора – *П.К.*) степях находились в зависимости от кочевых народов особого рода холопы, которых Главное Кавказское начальство считало также ясырями.
4. В Большедербетовском улусе существовали крепостные люди, находившиеся под властью местного нойона и зайсангов¹⁸.

По сведениям Ставропольской Казенной палаты, численность крепостных в губернии составляла 7694 д.м.п. Число же женщин крепостных по X ревизии (1858 г.) составляло 7759 душ¹⁹. То есть всего 15453, но эти данные касались только первой группы, остальные виды зависимого населения не вошли в этот список.

Под влиянием процесса эмансипации русских крепостных, главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии надворный советник Мевес предложил улусным приставам склонить владельцев к освобождению ясырей. 13 декабря 1861 г. пристав штабс-капитан Иванов обсудив вопрос «с тухменцами убедил их утвердить приговор, в котором владельцы отказались безвозмездно от права владения и предоставили 700 холопам полную свободу»²⁰. Характерно, что в представленном приговоре владельцы обосновывают свое решение волей Александра II дать свободу всем крестьянам: «теперь же, чтобы не остаться равнодушными в предпринятом Государем уничтожении прежнего крепостного состояния, мы освободили своих крестьян и рабов, чтобы они пользовались отныне такою же независимостью, какую пользуемся, и мы»²¹.

Пристав Караногай-Едишульского народа поручик Гриневич в марте 1862 г. «следуя примеру тухменского пристава, при содействии почетных в народе сем, склонил вверенный ему народ к согласию на уничтожение у себя ясырей». Так было освобождено еще 300 невольников, т. е. всего более 1000 чел.²² На освобожденных было распространено действие «Положение 19 февраля 1861 г. об устройстве дворовых людей как в отношении приписки их к обществам, так и в отношении льгот им при сем случае даруемых»²³.

В 1861 г. мировым посредником Федоренко было освобождено 227 ясырей обоего пола, принадлежавших магометанам Пятигорского уезда, в том числе ногайцам²⁴.

В 1865 г. были освобождены последние 153 ясыря²⁵. Таким образом, общая численность освобожденных ясырей достигает 1400 д.об.п. Подчеркнем, все они получили свободу не на основе норм обычного права с уплатой владельцу выкупа, а бесплатно, под давлением администрации. Вместе с крепостными ставропольских помещиков было освобождено около 17 тысяч.

По мнению большинства историков, кубанское и терское казачество не испытало язвы крепостничества, а социальные отношения строились на основе вольнолюбивых казачьих традиций²⁶. Случаи закрепощения домовитыми казаками сиромы, беглых, бродяг, драбантов и других социальных категорий, отмечали лишь некоторые исследователи²⁷.

Точно определить количество крепостных среди казаков пока невозможно. Это объясняется тем, что владельцы-казаки уклонялись от регистрации своих крепостных. Для их подсчета Г.Я. Крьюжановский использовал такой оригинальный документ как исповедальные росписи, которые велись священниками в своих приходах. По его данным, в 1800г. в г. Екатеринодаре, г. Тамани и 24 куренях было 845 крепостных. Но это число не отражает реальное количество зависимых, т.к.

исповедная роспись сохранилась не вся²⁸. По сведениям В.С. Шамрая в 1852 г. их было 1045 д.об.п.²⁹

Помимо собственно русских крепостных, принадлежащих казакам, была еще одна категория зависимых, записанных за офицерами-горцами, вступивших в Кубанское казачье войско. По выявленным нами документам, в Гривенской Черкесской станице зависимых горцев было 135 д.об.п., в Переясловском поселке – 14 д.об.п., в Татарском поселке – 14 д.об.п.³⁰, в армянском поселке Армавир – 207 д.об.п.³¹

В Терском казачьем войске на 29 января 1863 г. таких «неучтенных» крепостных числилось: 1. В 1-й Волгской бригаде – 247 д.об.п.; 2. В Горском казачьем полку – 74 д.об.п.; 3. В Моздокском казачьем полку – 3 д.об.п.; 4. Не приписаны нигде – 2 д.об.п. Всего – 326 д.об.п.³²

Решением Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича «крестьяне и холопы, находившиеся у казаков из туземцев, объявлены свободными 21 сентября 1864 г.»³³. Всего, таким образом, было освобождено еще около 700 чел.

Известия об освобождении зависимых сословий у казаков-горцев быстро распространились по всему Северному Кавказу. С этого момента вопрос об эмансипации зависимых крестьян у горских народов Северного Кавказа стал делом времени.

В процессе мирного и военного освоения Северного Кавказа имперское правительство России вынуждено было «заигрывать» с крестьянством, искать его социальной поддержки, поэтому проводит ряд мер, ограничивающих рабство в крае.

Освобождение крепостных в Ставропольской губернии, в Кубанском и Терском казачьем войсках активизировало антифеодальные выступления зависимых сословий горцев, что заставляет Кавказскую администрацию ускорить процесс эмансипации. В свою очередь, эта борьба толкала феодальную элиту, владельцев к переселению в Турцию, чтобы сохранить свою собственность – своих подвластных крестьян.

Главное же все-таки в другом. Какие бы цели не преследовало правительство, какие бы экономические расчеты не строило, какие бы дивиденды оно не собиралось получить от «замирения» Кавказа – десятки тысяч ясырей, невольников, кулов, зависимых горцев получили реальную свободу, бесплатный земельный надел, некоторые имущественные права граждан России. Механизм социокультурного взаимодействия России и народов Северного Кавказа начал работать. Горские общества оказались втянуты в общероссийские модернизационные процессы, способствующие развитию новых социальных, экономических и культурных отношений в крае.

Примечания

1. *Крыжановский Г.Я.* Крепостное право в земле Черноморского, ныне Кубанского казачьего войска // Известия общества любителей истории Кубанской области. Вып. 5. Екатеринодар, 1912. С. 123.

2. *Пичета В.И.* Крестьянский вопрос и отношение к нему правительства общества в первой четверти XIX в. // Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г. СПб., 1902. С. 74.

3. См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. Док. № 11; 12; 15; 16; 17; 34; 35; 41; 53; 56; 71; 77; 80; 88; 91; 115; 121; 151; 158; 165; 180; 212 и др.; Русско-осетинские отношения в XVIII в. В 2-х т. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. Док. № 37; 41; 42; 44; 47; 49; 51; 77; 78; 85; 98; 100; 104; 112; 121; 122; 123; 127; 140; 142; 149; 156; 157; 164; 190; 205 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. Док. № 1; 2; 4; 5; 10; 14; 16; 23; 24; 25; 29; 31; 38; 47; 52; 55; 59; 64; 66; 70; 95; 109; 118; 132; 149; 158; 174; 176; 210; 219; 235; 241 и др.

4. См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. Док. № 23; 94; 98; 125; 167; 175; 177; 190; 192; 193; 197 и др.; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. Док. № 211; 212; 213; 214; 219; 221; 222 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. Док. № 42; 83; 86; 119; 153; 154; 232; 280 и др.

5. *Скитский Б.В.* Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды. 1739–1779. Владикавказ, 1930. С. 5.

6. *Беров Х.Ж.* Изучение антифеодального движения адыгских народов в советской исторической литературе // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1992. С. 79.

7. *Гарданов В.К.* Классовая борьба в Кабарде и Балкарии в XVIII в. // История КБАССР. В 2-х т. М., 1967. Т. 1. С. 156.

8. Об освобождении от рабства всех невольников, известных под именем ясырь и о предоставлении им свободы избрать род жизни. Именной указ Александра I Херсонскому военному губернатору // ПСЗРИ. 2-е изд. 1857. Т. XXX. 1808 г. Ст. 22925.

9. Рапорт Г.-М. Дельпоццо ген. Тормасову от 12 февраля 1810 г. // Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 274.

10. *Рудаковский А.О.* О ясырях // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 235.

11. *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу // Кубанский сборник. Т. 12. Екатеринодар, 1907. С. 25.

12. ПСЗРИ. 2-е изд. 1857. Т. 10. Отд. 1. 1835. Ст. 8138.

13. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 1236. Л. 2.

14. Там же. Л. 8.

15. Там же. Д. 1254. Л. 7.

16. Эти законы кодифицированы в ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. 36.

17. ЦГИА. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 65.

18. *Баркалов М.* О значении реформы 19 февраля 1861 г. для Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 4. Ставрополь, 1911. С. 5.

19. Там же. Л. 117.

20. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 68–69.

21. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 9.

22. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 71, 84, 85. Эти данные подтверждаются архивными материалами. См., например: ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 23. Л. 82; Д. 33. Л. 4 и др.

23. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 49.

24. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 83.

25. Там же. С. 81.

26. См.: *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1859; *Его же.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; *Короленко П.П.* Черноморцы. СПб., 1877; *Бентковский И.В.* Гребенцы. М., 1889 и др.

27. *Крыжановский Г.Я.* Указ. соч.; *Щербина Ф.А.* Из истории освобождения крестьян // Кубанский край. 1911. 19 февраля; *Голобуцкий В.А.* Беглые и крепостные на Кубани в дореформенный период // Ученые записки Казанского гос. университета. Т. 114. Кн. 8. Казань, 1954; *Шевченко Н.Г.* Черноморское казачество в конце XVIII – половине XIX в. Краснодар, 1993 и др.

28. *Крыжановский Г.Я.* Указ. соч. С. 128.

29. *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории и документы, относящиеся к этому вопросу // Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. С. 59.

30. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 34. Л. 25–34.

31. Там же. Д. 24. Л. 81.

32. Там же. Д. 32. Л. 87–118.

33. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 719. Л. 4.

**SOCIAL POLITICS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT
IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XVIII – 60^{IES} OF THE XIX CENTURIES**

Kuzminov Peter Abramovich, Doctor of History, Professor of the Department of Russian history of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh.M. Berbekov, petrakis_hist@bk.ru

The article examines the problem of poorly designed: the quality of social policy of the government of the crown in relation to the peoples of the North Caucasus. It is noted that for a hundred years, it has significantly transformed, from full support of the elite of highland society, to the elimination of the dependent and slave relationship, despite the serious protests of the nobility. Given the amount of released across all regions of the North Caucasus, including the Stavropol province, the Terek and Kuban Cossack troops.

Keywords: Russia, North Caucasus, social politics, liberation of dependent classes.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13